

какъ именно она поняла („ужели слово найдено?“) опять неизвѣстно. Въспослѣдствіи мы узнаемъ, что Татьяна, уже замужемъ, продолжаетъ любить Онегина и даже говорить ему объ этомъ: что же она любила? — „созданье ада“ или „созданье небесъ“, „ничтожный призракъ“, „москвича въ Гарольдовомъ плащѣ“, „пародию“? Характеристика оставалась дѣйствительно столь обоюдною, что для читателей и самихъ критиковъ Пушкина Онегинъ такъ и остался образомъ двойственнымъ, противорѣчивымъ. Для однихъ онъ былъ именно москвичемъ въ Гарольдовомъ плащѣ, т.-е. гороховымъ шутомъ; для другихъ онъ сохранилъ черты глубокаго отрицанія, подъ которое (чтобы оно имѣло какой-нибудь смыслъ) надо было подложить общественное значеніе. Ни для того, ни для другого поэтъ не далъ достаточнаго основанія. Онъ не даетъ понять, въ чемъ заключались черты, которыя дѣлали для него интересной бесѣду съ Онегинымъ; но что онъ находилъ въ немъ многое сочувственное—это не подлежитъ сомнѣнію. Надо полагать, что сочувственное заключалось въ томъ настроеніи, съ какимъ носился тогда самъ Пушкинъ, тѣ молодыя сомнѣнія, какія заставляли его увлекаться Байрономъ, рисовать образы отрицателей, въ родѣ Алеко, изображать коварнаго Демона, и т. п. Чистый байронизмъ, какъ извѣстно, не присталъ къ Пушкину; его сомнѣнія напili потомъ исходъ въ немногосложныхъ положительныхъ началахъ, которыя дали ему потомъ извѣстное успокоеніе, но старыя сомнѣнія остались безплодными: какъ сами они были плодомъ пытливой мысли, такъ послѣ они поддерживали его воспримчивость къ явленіямъ жизни, укрѣпили навсегда мысль о необходимости умственнаго труда для общества, и, въ концѣ концовъ, сочувствія Пушкина къ Онегину требуютъ отъ критики большаго вниманія къ пушкинскому герою. За нимъ Пушкину представлялась, вѣроятно, генеалогія, состоящая не изъ однихъ вывиховъ.

Г. Морозовъ въ статьяхъ, кажется, еще неконченныхъ, принялъ опредѣлить положеніе Пушкина въ нашей литературѣ и отношеній къ нему критики. Это послѣднее намѣчено имъ только въ общихъ чертахъ. По изложенію г. Морозова, первое мѣсто въ критикѣ Пушкина принадлежитъ Бѣлинскому, какъ по цѣльности его обширнаго труда, такъ и по тому вліянію, какое онъ надолго сохранилъ на позднѣйшее пониманіе поэта. Критика Бѣлинскаго была исключительно эстетическая: онъ считалъ Пушкина поэтомъ-художникомъ и въ этомъ по-